

Из коллекции Константина Котельникова

А. Г. АЛЕКСЕЕВ

СЕРЬЕЗНОЕ И СМЕШНОЕ

ПОЛВЕКА В ТЕАТРЕ И НА ЭСТРАДЕ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО», 1972

Сестрой третьего компаньона, которую я называл популярной певицей, была действительно чудесная актриса и певица, непревзойденная тогда исполнительница песен на многих языках Иза Кремер. Еще гимназисткой она писала стихи, и их печатали в газетах, в своем кругу пела песни и романсы, и вскоре по настоянию и с помощью друзей эта дочь бедных и не очень грамотных родителей отправилась в Италию учиться пению. Вернувшись, она сразу стала пользоваться огромным успехом у публики. Умная, веселая, она была отличным товарищем, «заводилой». Веселость, озорство, лукавство — все это открыто, не таясь, излучалось из ее глаз. Ее крупноватые зубы сверкали, ее темперамент и остроумие завладевали вами, ее звучное, «вкусное» сопрано не отпускало вас — вы были в плену у этой в общем некрасивой девушки.

Прекрасный голос позволил ей петь ведущие оперные партии; вскоре антрепренер одесского театра пригласил ее петь в опере и в классических опереттах, и она быстро стала любимицей скептиков-одесситов. А уж они в искусстве никому не делали скидок! Особенно в пении. Для одесских меломанов был праздником приезд итальянских певцов Делли Абатти, Саммарко, Баттистини, Де Лука, Ансельми; и именно в Одессе итальянцы «держали экзамен». Опытные импресарио знали: кто не выдерживал в Одессе, провалится и в столице! И гастролеры, не потрафившие одесской публике, уезжали восвояси...

Иза Кремер выдержала этот экзамен. Когда она с Митрофаном Днепровым спела в оперетте песенку «Ха-ца-ца», через несколько дней не только весь город пел эту песенку, но в продаже появились галстуки и сорочки «Ха-ца-ца» с портретом Днепровы и конфеты «Ха-ца-ца» с портретом Кремер на коробках. Этот успех толкнул ее на мысль петь в концертах лирические и юмористические сюжетные песенки. Тексты она пере-

водила с французского, немецкого, итальянского — языков, которыми хорошо владела, а затем и сама стала писать стихи для песенок. Музыку чаще всего сочинял ее аккомпаниатор Симцес.

В Изе Кремер сочетались две не так уж часто встречающиеся грани дарования: умная, образованная певица и умная, чуткая актриса. Песенки ее «Черный Том», «Мадам Люлю», «Мотыльки» и другие всегда были маленькими лирическими или комическими музыкальными рассказами, и они настолько нравились, что быстро вытеснили и цыганщину, и «песни скорби и печали», и сентиментальные слезливые романсы: все хотели петь ее репертуар в ее манере!

А в «ее манеру» входили и искренняя веселость, и молодой задор, и пленительная улыбка, и умная насмешливость, и чудесный голос!

И очень жаль, что артистка не поняла, что истинный талант расцветает только на родной почве, в родном краю.

Есть ли у нас такие одаренные исполнители?

Ну, конечно, нельзя требовать, чтобы все эстрадные певицы обладали и хорошими голосами и актерским дарованием. Но я непоколебимо уверен, что или то, или другое *обязательно*, а если ни того, ни другого — тогда беда... беда не им, поющим, а нам, слушающим.

Не так давно на страницах наших газет разгорелась полемика между поэтами, композиторами и исполнителями. Одни утверждали, что можно петь песни, не имея голоса, другие резко возражали. А мне кажется, что можно; но *чем меньше у исполнителя голосовых данных, тем больше должно быть мастерства.*

У нас поющие в концертах делятся на эстрадных и филармонических. И считается, что для первых почти или даже совсем не нужны голоса, школа, консерватория, ну а если окончил консерваторию, так пой Чайковского, Шуберта, Алябьева...

Нет-с! Вот вам Ирма Яунзем, окончила консерваторию и могла бы петь в опере, но по влечению сердца пошла на эстраду. И стала не только петь песни, но и «охотиться» за ними по всему свету. А для того, чтобы петь разнонациональные песни, надо уметь и дыхание ставить, и тембр менять, и дикцию изоцрять, и акценты чтобы были подлинные, фольклорные, а не выдуманные, лишь бы посмешнее! И все это — вы чувству-

ете — дается ей легко, потому что... позади консерватория, культура общая и певческая!

А вечно разнообразная Клавдия Ивановна Шульженко! Прямая наследница Изы Кремер. Ее жанр — песни сюжетные, каждая песня — рассказ; трагический, или комический — все равно она его поет, этот рассказ! И нельзя себе представить эту певицу, ни с того ни с сего припевающую (как это теперь модно) после каждого куплета ла-ла-ла, или бум-бум-бум, или пру-пру-пру... Нет, в любой песне она и певица и актриса. И мелодия звучит у нее, а не только в оркестрике (шумящем за два оркестра!), и стихи она преподносит вам как стихи, а не как «текст». И уж тут вы были бы в претензии, если бы оркестр глушил тончайшие нюансы, лирическое пианиссимо Клавдии Ивановны. Но претензий никаких — у рояля большой мастер, Борис Мандрус, и он и его оркестр «шагают с песней» на одном дыхании с Шульженко.

Но позвольте вернуться к одесскому театру миниатюр и рассказать один комический эпизод. Была у Изы Кремер мама, маленькая старушка со сведенными подагрой пальцами. Я бывал у них в доме, и мама меня очень любила. Так как ее сын был соантрепренером, она часто ходила в этот театр. Посмотрела она и «Сан-Суси». Пришла домой и спрашивает:

— Изик! Кто этот новый артист, такой смешной немец?

— Ты не узнала, мама? Это же Алеша!

— Какой Алеша?

— Алексеев.

— Ой, Изик, ты путаешь. Это же старый урод, а Алеша молодой, красивый. (Она уже плохо видела.)

— Так он же загримирован.

— Нет, ты что-то путаешь.

И на другой день старушка пошла проверить. На этот раз она, конечно, узнала меня, посидела еще несколько минут, встала и громко, на весь зал, сказала: «Это-таки Алеша!» — и ушла.

* * *

Познакомился я в одном артистическом доме с молодой актрисой Марией Семеновной Марадудиной, игравшей раньше в театре В. Ф. Комиссаржевской. После веселого товарищеского ужина мы все что-то пели, рассказывали друг для друга. И она прочла два рассказа Н. А. Тэффи. Я сейчас же предложил ей читать у нас в театре... Она смутилась.

— Играть — да, пожалуйста, но читать?... Я никогда не читала со сцены.

Но я уговорил ее, и Марадудина выступала с большим успехом. После этого ее друзья Аркадий Тимофеевич Аверченко и Надежда Александровна Тэффи часто писали рассказы для ее выступлений у нас. Потом я уговорил ее попробовать себя в конференсе, и Мария Семеновна стала первой женщиной-конференсье. Концерты она вела умно, тонко и весело, но продолжала выступать и как рассказчица.

Как-то Марадудина поехала на совместные гастроли с Изой Кремер. В Одессе Мария Семеновна читала рас-

сказ «Как одесситы слушают Изу Кремер». Там был такой разговор:

« — Скажите, — спросила одна дама другую, — как вам понравился концерт?

— Не особенно.

— Но почему? У Кремер прекрасный голос и очень выразительные руки!

— Ну и что? Отнимите у нее голос и руки, ничего не останется!»